

– Василий Павлович, где в последнее время вы чаще бываете: в Москве, в Вашингтоне или путешествуете по миру?

– Вообще-то я все-таки больше сижу и пишу в пригороде Вашингтона. Во-первых, там моя постоянная работа в университете, где я веду собственный курс в течение осеннего и весеннего семестров. А разъезды исключительно во время канцелярского периода. Слава Богу, это время немалое – пять с половиной месяцев в году: месяц зимой, есть перерывы в учебе осенью и весной и три с половиной месяца – летом.

– И что вы преподаете?

– Один курс культурологической направленности, связанный с общим течением модернизма в России начала века и с дальнейшим переходом на авангард. И, как я успел заметить, ко мне записывается много студентов, впрямую не имеющих отношения ни к России, ни к русской литературе. Вообще приходят люди самых разных профессий: и компьютерщики-электронщики, и биологи, и экономисты. А второй курс, "Два столетия русского романа", – именной, авторский. И он несколько в стороне от обычной русской программы. Это мой курс.

– А в Москве вас не привлекают к преподавательской деятельности?

– Нет. Да я и не буду здесь преподавать. Я бы вообще никогда не стал преподавать, если бы не оказался в США. Ведь, как выяснилось, для меня это лучший способ зарабатывать там себе на жизнь.

Изгнание из Советского Союза на самом деле было тяжелейшим, критическим моментом в моей жизни. С одной стороны, я бросал вызов существовавшей системе, которая меня выдавливала. С другой – я был в отчаянии, не давая себе в этом отчета или не желая этому подчиняться. Но стресс был невероятный. Удалось же его преодолеть опять-таки благодаря Америке, которая буквально заставляла меня вкалывать, чтобы выжить. Мы с Майей, моей женой, старались не впадать в бедность: я много работал. Тем не менее первые годы я частенько просыпался по ночам в холодном поту от ужаса, что в следующем месяце не смогу оплатить счета... Но как-то все-таки выкарабкивался.

А Майя вообще долгое время не могла к изгнанию привыкнуть. Я постоянно убеждал ее, что надо относиться к нашей жизни там как к затянувшемуся заграничному турне и таким образом стараться замечать вокруг что-то интересное...

Потом, кстати, при помощи той же университетской работы удалось достичь более или менее стабильного уровня. И это, между прочим, давало мне возможность отказаться от компромисса в литературе. И на самом деле я не жалею, что все так случилось...

– Вы хотите сказать, что преподавание дает еще что-то для души?

– Как оказалось, да... Хотя сейчас, честно говоря, спустя более чем 20 лет в университете преподавательская деятельность мне несколько надоела. И я постепенно буду от нее уходить. Кроме того, мы уже решили перебраться в Европу.

– И где вы намерены бросить якорь?

– Я присмотрел себе местечко – небольшой городок Биарриц на побережье Бискайского залива, во Франции, на границе с Испанией. И уже купил там маленький домик. А оказался там совершенно случайно. Был в Тулузе на фестивале русского искусства "Волга – Гарон". И когда у меня выпала несколько свободных дней, решил осмотреть места, в которых никогда не бывал. Взял напрокат машину и проехал вдоль Пиренейских гор, любуясь замечательными видами. Так добрался до этого курортного городка. Мне в нем страшно понравилось. Оказалось, что Биарриц связан не только с Наполеоном, но в XIX веке был любимым местом отдыха русской аристократии и творческой интеллигенции. Там жил Стравинский, Набоков провел там годы своего детства. Чехов бывал и еще многие известные люди... Тогда же в голове мелькнула мысль, что этот городок был бы лучшим местечком для смены места жительства...

И год назад, когда я был в Париже на Новый год, 1 января просто сел в поезд и поехал в Биарриц. И присмотрел себе там маленький домик, в котором всего две спальни и маленькая квартира в подвалном помещении...

– Можно предположить, что ваше будущее литературное произведение будет связано с этими временами и персонами?

– Нет, будущее произведение будет связано с XVIII веком: как раз сейчас я поглощен изучением наследия Вольтера, его идей и эпохи просвещения вообще. Это одна из серьезнейших фаз европейского Ренессанса, рас-

ния на счет построманной депрессии. Такое обычно бывает с авторами романов, когда они полностью и основательно выкладывают в работе над произведением. И этот упадок чувств – явление характерное. Но прошло некоторое время, и я уже рефлексирован начал работать над следующим романом, о котором уже вам рассказал.

– Вы являетесь одним из членов жюри национальной премии "Триумф". Что вы думаете об этой премии?

– На мой взгляд, организация "Триумфа" – идея грандиозная. Она появилась в 1992 году, в очень нужное время, когда был общий колоссальный упадок в стране. И мне ка-

"Московской саги" уже идут полным ходом. И если с успехом пройдет первая часть фильма, то, как говорится, сам Бог велел взяться за продолжение этого романа. И я прямо с ходу начинаю его писать!

– В работе над этим многосерийным фильмом вы принимаете участие?

– Конечно, когда приезжаю в Москву. Я смотрел вместе с режиссером Дмитрием Барщевским фото- и кинопробы, мы обсуждали кандидатуры актеров, декорации... Мой сын Алексей работает над этим проектом в качестве арт-директора. Но вы же понимаете, какая это грандиозная работа – создание полноценного многосерийного художественного фильма. Одно лишь удержание актерской команды в течение года – невероятно сложный вопрос. А в картине 280 (!) ролей. Но мне кажется, что работа эта должна понравиться зрителю. Люди ведь любят такие истории с продолжениями, где много закрученных любовных интриг и драматических поворотов судьбы. Тем более что история нашей страны поставляет их нам с излишком.

– А как вам современные молодые лица, которых вы встречаете в Москве и в России?

– Вы знаете, весной я был в Питере и общался в основном именно с молодыми людьми. У меня была там пресс-конференция, на которой собралось не менее 50 журналистов, – и это были все молодые люди. И главное, что я отметил для себя, – у них были умные, какие-то просветленные лица. А мне вспоминались утверждения, что в России произошла смена молодого образа на уровне генетики, что перед нами сплошная "брата": коротко стриженная, с маленькими лобиками и торчащими ушами, сплошные разговоры "на пальцах"... И они, наверное, есть. Даже, может быть, в немалом количестве. Но я видел своими глазами, что все-таки сохранился тип молодого интеллигента. И я в этом абсолютно убедился. Он существует и развивается...

– То есть корни все-таки не вырублены окончательно?

– Оказывается, нет, и подрастает новая поколение. Это очень радует, потому что у этих людей в наше время – колоссальные возможности для роста. Они могут сразу внедряться в европейскую и мировую культуру. Они все могут знать, и у них есть доступ ко всему. В том числе – и благодаря Интернету.

– Вопрос, быть может, прозвучит несколько неожиданно, но мне кажется, он вытекает из ранее сказанного: как вы относитесь к клонированию?

– Кстати, роман "Кесарево свечение" завершается этой проблемой. Молодой герой начинает повествование в возрасте 27 лет. А

заканчивается роман пьесой, в которой ему 100 лет. Его же любимию, которую он ждал многие годы, – 93. И они наконец вместе. Но, понимая, что они уже медленно умирают, начинают предпринимать усилия, чтобы подольше сохраняться, используя для этого пересадки органов, и прочие медицинские фокусы. А поскольку оба – безумно богатые люди, в конечном итоге заказывают своих клонов – себя же в молодости...

– Ну а если отнестись к этому вопросу серьезно, кого бы стоило клонировать?

– Я вспоминаю о Маяковском, в какой-то его поэзии он обращается к ученному будущему: если будешь перелистывать страницу и искать, кого оживить, не листай страницу – оживи.. Тогда нам подобные слова казались чистейшей воды фантазией. Но сегодня оказывается, что эта фантазия вдруг может стать реальностью. И я думаю, стоило бы оживить того же Маяковского, чтобы он пустил наконец в ход свой гений, а не стал бы писать всяких дрянью. Да и вообще многим ушедшим в мир иной людям можно было бы дать такой шанс!

Беседу вели Татьяна АЛЕКСЕЕВА

Василий Аксенов: я – феминист

по убеждению

Романы и повести Василия Аксенова, недавно отметившего 70-летний юбилей, принадлежат к классике отечественной литературы. В 60-х годах "Коллеги" и "Звездный билет", "Затоенная бочкотара" и "В поисках жанра" стали прорывом к живому слову, пьянящим глотком свободы. Теперь уже в далеком 1980-м, после скандального осуждения литературного альманаха "Метрополь", в котором принимал участие Аксенов, он был лишен советского гражданства и вынужден эмигрировать в США. С тех пор писатель живет и работает в Вашингтоне. Уже в Штатах им были написаны повести и романы "Охог", "Остров Крым", "В поисках грустного бэби", "Желток яйца", "Московская сага", "Новый сладостный стиль", "Кесарево свечение". Произведения Аксенова изданы в США, Франции, Великобритании, Бельгии и других странах. Он перевел на русский язык романы Э. Доктороу "Рэгтайм" и Дж. Апдейка "Переворот"... В 1990-м Василию Павловичу Аксенову российское гражданство было возвращено. В один из его приездов в Россию, который был связан, кстати, с экранизацией его "Московской саги", и состоялась наша беседа.

жется, что возникновение ее в то время как раз и было первым шагом из ямы. А помощь, которую оказывает эта премия, скажем, писателям, просто неоценима. Она дает им возможность успокоиться, засесть за рабочий стол и творить, а не рыскать в поисках случайного заработка. Или музыку сочинять, или писать картины...

– Во все времена учредителями благотворительных премий были очень состоятельные, богатые люди. Однако куда деваться от аксиомы, что ни один капитал, особенно начальный, не делается честным путем...

– Эта аксиома безусловно верна в тот период, когда разваливается страна. В нашем случае развалилась империя социализма, и на ее руинах образовывается капитализм. Правда, такого в истории человечества еще не было. Ну а когда вокруг развалины, трудно требовать соблюдения законов, потому что их попросту нет. Да их, собственно, и не было. Когда в России началась приватизация – это был край беззакония. И на этом фоне очень многие разорвавшиеся люди сделали себе капиталы. Впрочем, здесь нельзя списывать со счетов и степень везения, и склад ума, и четкость в выработке стратегии...

– Не кажется ли вам, что этот поворот событий может быть очень интересно представлен в новейшей истории вашей "Московской саги"? Кстати, вы ведь даже обещали дополнить ее для киноверсии вашего романа?

– Безусловно. И в моей голове бродит желание дополнить эту новейшую историю. Ведь существование династии Градовых в конце романа не закончилось. И это дает мне возможность продолжить сагу до наших дней. Борис IV становится продолжателем врачебной династии и лидером демократического движения... Некоторые члены этого семейного клана и связанные с ним люди оказываются за границей: и исчезнувший во время войны Савва Китайгородский, который после немецкого плена оказывается во Франции, и Вероника, мать Бориса, вышедшая замуж за американца, уехала в США вместе с его младшей сестрой... К тому же сейчас съемки

Люблю Москву
Бориса
Бориса
Борис
Вас. Аксенов